

Глава 19. Снежная слива источает аромат, а ива склоняет длинные ветви

Во внутреннем дворе княжеской резиденции Жуй, в спальнях покоях павильона Нунъюй, перед ширмой с искусной резьбой в виде двух фениксов, от красной балки под потолком спускалась большая подставка из древесины «куриного крыла». На ней, на расстоянии не более трёх чи, сидели, сложив крылья, два беркута.

Лю Чжигэ, человек слова, едва вернувшись в отведённый ему в поместье маркиза Динъюань двор, тут же прислал эту пару.

Орлы были золотистого окраса, с чуть чернеющими кончиками перьев. Лишь несколько крайних маховых перьев на их крыльях были белоснежными. Сидя на жёрдочке с полуприкрытыми глазами, они источали гордое презрение, свойственное лишь царям небес.

— Какие красивые! — Гу Чжао, никогда не видевший таких редких птиц, подошёл ближе и хотел было протянуть руку, чтобы погладить одного из них.

— Клии! — раздался резкий крик. Беркут мгновенно распахнул глаза, и его зрачки, окружённые каштаново-коричневой радужкой, засияли, словно расплавленное золото. Хищный, пронзительный взгляд впился в протянутую руку Гу Чжао. Он с шумом расправил крылья, размах которых превышал два метра. Мощные, золотистые, они отливали металлом и, слегка взмахнув, создали восходящий поток воздуха.

Крик, подобный грому, разорвал тишину у самого уха Гу Чжао — то было предупреждение владыки, парящего над облаками.

— Не хочешь, чтобы трогали, — не буду, — Гу Чжао поспешно отдернул руку и, отойдя на безопасное расстояние, принялся успокаивать птиц, словно маленьких детей. — Какие вы послушные...

Убедившись, что угроза миновала, беркут снова лениво прикрыл глаза. Самка, что была чуть меньше, ещё в тот миг, когда самец расправил крылья, легко вспорхнула на красную балку под потолком.

Теперь же, когда самец успокоился, она снова спикировала вниз. Мощные, чёрно-золотые когти впилась в перекладину, и их острые концы с лёгким стуком вонзились в плотную древесину.

Самец подвинулся, уступая ей место, и она принялась перебирать клювом взъерошенные перья на его шее. Два беркута снова прижались друг к другу.

— Ваше высочество, не дразните их больше, пора умываться, — раздался голос Жун Цунцзиня. Он стоял поодаль, уже переодетый в светло-зелёный халат с перекрещивающимися полами, его

тёмные волосы были аккуратно собраны в пучок.

— Ты видел, как он расправил крылья? — взволнованно спросил Гу Чжао, показывая руками размер. — Целых два чжана!

— Интересно, как они выглядят в полёте, — добавил он, цокнув языком.

— Беркут в день пролетает сотни ли, — мягко пояснил Жун Цунцзинь. — Он парит над облаками, и ни один порыв ветра, ни один заяц или олень на земле не укроется от его взора.

В степи, завидев тень беркута, зайцы и антилопы в панике бросаются наутёк, порой даже срываясь со скал, — вот каков их страх перед этим хищником.

Гу Чжао быстро ополоснул лицо водой и, с солью во рту, пробормотал:

— Цунцзинь... откуда ты это знаешь?

Улыбка Жун Цунцзиня слегка померкла.

— Человек, приславший нам этих птиц, рассказывал мне, когда мы были в Дяньнани.

Тогда небо было бескрайним и чистым. Два его старших брата отправились на охоту, а его оставили в шатре на опушке леса. Ночью звёзды сияли так ярко, словно он укрылся сотканным из них одеялом.

Жители Мобэя были людьми простыми и грубыми, вся их жизнь проходила на коне, в защите родины. Он и подумать не мог, что братец Цзыюань, преодолев тысячи ли, привезёт в Ванцзин пару беркутов в качестве подарка. Это лишь подтверждало, что прогнившая и неповоротливая система двора — проблема не одного дня. Даже гарнизон в далёком Мобэе знал о здешних порядках, но в степях, где зимой бушуют снежные бури, не нашлось бы более достойного подношения.

Эти беркуты, хоть и были ценным даром, вряд ли будут оценены по достоинству здешними чиновниками, которые кичатся своей изысканностью и умением слагать стихи.

— Эти беркуты очень высокомерны, — с досадой сказал Гу Чжао.

— Со временем привыкнут. Цзыюань уже обучил их. Ваше высочество, если будете почаще кормить их свежим мясом, они вас признают.

Жун Цунцзинь намеренно употребил слово «признают», а не «признают хозяином».

— Ты хочешь отдать их брату, да? — Гу Чжао, когда дело касалось того, что ему нравилось, становился на удивление проникательным. Он упёр руки в бока. — Он таким не интересуется. Давай оставим их себе.

— Этих беркутов Цзыюань привёз в дар Его Величеству, — тихо напомнил Жун Цунцинь.

Даже если император не увидит их, их следует отдать наследному принцу.

— Им они не понравятся, — Гу Чжао повернулся и с мольбой посмотрел на Жун Цунциня. Его большой, пушистый, воображаемый хвост вилял из стороны в сторону, а взгляд красноречиво умолял.

— Хорошо, если наследный принц тоже не захочет, мы их оставим, — вздохнул Жун Цунцинь.

— О! — радость Гу Чжао была безграничной. Он вскинул руки и издал победный клич.

Изо рта брызнула солёная пена. Жун Цунцинь поспешно подал ему воды. Прополоскав рот, Гу Чжао махнул рукой слугам, чтобы те удалились, а затем, что-то вспомнив, тихо и мрачно проговорил:

— Твой брат... кажется, очень не любит отца.

— Ваше высочество, вы слышали... Цзыюань прямолинеен, он вовсе не это имел в виду, — поспешно объяснил Жун Цунцинь. — Обстановка в Мобэе напряжённая, он просто разволновался.

Гу Чжао отмахнулся и глубоко вздохнул:

— Думаешь, мне нравятся эти пиры? Толпа народу, шум, гам... уж лучше бы я вернулся к боям моего «Генерала Золотая Броня»... «Чёрного генерала».

На середине фразы он вспомнил, что «Генерал Золотая Броня» сбежал и теперь, вероятно, счастливо обживает какой-нибудь уголок в саду их резиденции. Пришлось неловко переключиться на «Чёрного генерала», но в груди всё равно кольнуло.

Мой «Генерал Золотая Броня».

— Ваше высочество правы, — медленно произнёс Жун Цунцинь. — Дело Мобэя... я хотел бы встретиться с наследным принцем.

Гу Чжао, с его детской чистотой души, одним словом обрисовал порочную атмосферу

Ванцзина. Сотни чиновников на каждом пиру, каждый со своими слугами, — эти пышные и бессмысленные празднества опустошали казну.

Сверчковые бои Гу Чжао были куда экономнее, ведь сверчков можно было найти где угодно.

— Зачем тебе встречаться с братом, Цунцзинь? Оставайся со мной в резиденции, — Гу Чжао сел за стол и, сперва положив еду Жун Цунцзиню, сменил палочки на свои, из цитаня, инкрустированные рогом носорога, и принялся за завтрак.

— Дело Мобэя не терпит отлагательств, — мягко сказал Жун Цунцзинь. — Ваше высочество, будьте милостивы, позвольте армии Мобэя пережить это трудное время.

Гу Чжао, уткнувшись в еду, делал вид, что не слышит. В его глазах, почти скрытых за миской с рисом «Яшмовый стебель», мелькнула тёмная искорка. Он не хотел, чтобы его супруг встречался с наследным принцем.

После их свадьбы брат уже несколько раз пытался встретиться с его принцессой-консортом, но он каждый раз отказывал.

Раньше во дворце Юннин любая служанка, едва взглянув на наследного принца, млела и не могла работать, только и искала случая попасться ему на глаза. Кто тогда вспоминал о нём?

Брат был красив, как нефритовое дерево на ветру, сияющ, как серебряная луна. По сравнению с ним он сам был лишь тёмным пятном на этой луне. Неудивительно, что все — и служанки, и знатные девицы Ванцзина — видели только брата, не замечая его.

Ему было всё равно. Но в этой жизни единственное, чего он желал, — чтобы взгляд его супруга всегда был устремлён только на него. Если и он, как все, будет смотреть на брата, он почувствует себя совершенно потерянным и несчастным.

Гу Чжао, возможно, и был неразумен, но он инстинктивно оберегал своё сокровище, не позволяя никому посягнуть на него.

Глядя на Гу Чжао, который с таким усердием завтракал, словно на нём висела табличка «Я очень занят», Жун Цунцзинь ощутил в своих янтарных глазах тень растерянности. Он намеренно его игнорирует? Такое было впервые.

— Ваше высочество... — Жун Цунцзинь легонько коснулся его руки.

Тело Гу Чжао едва заметно вздрогнуло.

После того, как принцесса-консорт поселился в его доме, питание стало изысканнее, и его

собственный рацион тоже улучшился в разы.

Его тело, словно пользуясь последней возможностью вырасти перед окончательным взрослением, жадно впитывало питательные вещества. Разнообразная и сбалансированная пища давала ему энергию, и он сам чувствовал, что стал сильнее.

Прохладные пальцы Жун Цунцзиня коснулись его ладони, и по телу словно пробежал огонёк — не обжигающий, а тёплый, ласковый. Лёгкий аромат сливы стал гуще, приобрёл свежие, влажные нотки, и взгляд Гу Чжао затуманился.

Словно тот самый мастер, что ранил его летящими цветами и листьями в императорском саду, снова появился и теперь резвился в его сердце, лёгким пёрышком щекоча душу и вызывая радостный трепет.

«Что со мной? Снова убийца?» — растерянно подумал Гу Чжао.

— Ваше высочество... — прошептал Жун Цунцзинь с ноткой тихой мольбы.

Тело Гу Чжао снова вздрогнуло, словно по сердцу провели цветущей веткой.

У него было много способов заставить Гу Чжао подчиниться, но он выбрал самый смиренный. Жун Цунцзинь никогда так не поступал. Его белое лицо слегка покраснело, а в ясных глазах заблестела влага.

— Хорошо, — Гу Чжао не мог отказать своему супругу и нерешительно согласился.

— Раз уж ты хочешь встретиться с братом, я напишу прошение, — он искоса взглянул на него и ревниво добавил: — Только ты на него не смотри.

— Да, — Жун Цунцзинь опустил ресницы, скрывая улыбку в глазах.

Гу Чжао подумал, что это, пожалуй, слишком невежливо, и поправился:

— Можешь посмотреть, но, вернувшись, ты должен забыть, как он выглядит.

— Брат — для невестки. У тебя уже есть я, — подчеркнул он.

Я — самое любимое сокровище моего супруга.

— Да, мы с вашим высочеством — супруги, — с улыбкой ответил Жун Цунцзинь, подперев щеку рукой.

Гу Чжао, не в силах сдержаться, наклонился и легонько клюнул его в щёку — мимолётное, но нежное прикосновение.

Сердце Жун Цунциня дрогнуло. Он повернул голову, и его губы коснулись губ Гу Чжао, стремясь углубить поцелуй. Аромат снежной сливы окутал их.

Гу Чжао, приоткрыв губы, умудрялся в сбивчивом поцелуе думать о другом.

— М-м-м... этих беркутов брату не отдадим.

Отдашь брату — он всё равно вернёт их мне. Зачем их таскать туда-сюда?

— Угу, — Жун Цунцинь, уже не сердясь, пододвинул к нему суп из гибискуса. — Ваше высочество, ешьте больше.

После завтрака Гу Чжао открыл шкатулку из бамбука «Сянфэй» и на бумаге с вкраплениями золота лично написал прошение, которое передал Сяо Лэцзы для доставки во дворец наследного принца.

Восточный дворец находился недалеко от резиденции Жуй, и вскоре пришёл ответ: их ждали после полудня.

Гу Чжао ещё некоторое время возился с беркутами, но те лишь холодно взирали на него, не желая идти на контакт. Устав от этого, он вернулся в свои покои к сверчковым боям.

*

Жун Цунцинь сидел за чайным столиком и читал.

— Молодой господин, — вошла Фу Тун с улыбкой, — почему вы в последнее время всё время читаете медицинские книги? Даже древние тексты, что принёс вам великий канцлер Хун, лежат без внимания.

— Медицинские книги практичнее, — многозначительно ответил Жун Цунцинь.

Через год, начиная с Юнчжоу, несколько провинций охватит моровая язва. В самых пострадавших местах девять из десяти домов опустеют. Беженцы разбредутся во все стороны, и одна из толп направится в Ванцин в поисках спасения. Император, в ужасе, прикажет войскам подавить волнения и запереть людей в Ичжоу и других областях, не позволяя им бежать.

Целые семьи вымрут, роды прервутся. Земля опустеет...

А в Ванцзине в это время будут продолжаться песни и пляски, и придворные будут восхвалять мудрость и доблесть императора. Лишь наследный принц станет умолять открыть амбары и помочь пострадавшим. Несмотря на нападки четвёртого и седьмого принцев, он лично отправится в Ичжоу во главе армии и лекарей, чтобы спасти людей. То ли удача, то ли лекарства действительно помогут, но через несколько месяцев, с наступлением холодов, эпидемия постепенно сойдёт на нет.

Люди вернутся в свои провинции, к заброшенным полям. Но эта эпидемия истощит силы династии Цинь, и страна ещё несколько лет не сможет оправиться. Армия Мобэя не получит пополнения, и тюрки, воспользовавшись моментом, прорвут оборону на юге и, как нож сквозь масло, пройдут через провинции. Император, привыкший к праздной жизни, получив известия с фронта, от страха и тревоги скончается через несколько дней.

Наследный принц взойдёт на престол в разгар смуты, ему придётся разгрести этот хаос: отбросить тюрков, заточить в темницу четвёртого принца, отменить налоги, чтобы возродить хозяйство. Лишь через год обстановка постепенно стабилизируется. Что было дальше... он уже уехал с князем в земли Юэ и не слишком следил за событиями в столице.

Но, зная наследного принца, он наверняка справился в сто раз лучше своего отца. Даже если не смог расширить границы, то удержать страну и заложить основу для будущего потомков ему было по силам.

Жун Цунцзинь погрузился в раздумья. Он наблюдал за действиями четвёртого и седьмого принцев при дворе. Хотя они и создавали проблемы наследному принцу, талантом оба уступали ему. К тому же, у наследного принца была поддержка императрицы и её рода. Почему же он не смог удержать трон?

Четвёртый принц и седьмой принц... кто из них отобрал у него власть? И как? Эти вопросы не давали Жун Цунцзиню покоя.

Он медленно выстроил в голове план. Решение было. Никто не должен был встать на пути наследного принца... нужно лишь устранить двух принцев и подавить эпидемию в самом начале, не истощая казну.

Казна полна, оборона Мобэя крепка — трон наследного принца будет непоколебим. Взгляд Жун Цунцзиня стал твёрдым, он опустил ресницы, скрывая блеск решимости.

— Молодой господин... — вошла Би Тао и, прошептав что-то на ухо, протянула ему стопку писем.

— Всё-таки не выдержала. Что ж, покончим с этим, — Жун Цунцзинь лениво отмахнулся от писем и, отложив медицинскую книгу, расправил складку на рукаве. — У меня впереди важные

дела, некогда с ней возиться.

— Пойди вели слугам приготовить карету. Я её сам выпровожу, — он слегка приподнял подбородок и направился в главный зал. — Впустите её.

— Слушаюсь, — Би Тао поклонилась. Фу Тун растерянно последовала за ней, прижимая к себе письма. Вскоре две пожилые служанки ввели, или скорее втащили, хрупкую, словно ива на ветру, девушку и бросили её на пол.

— Ах! — вскрикнула та, упав. На ней было платье цвета морской волны, подчёркивающее тонкую талию. Лицо её было миловидным, а в глазах блестели слёзы, словно роса на травинках в лесу, что делало её ещё более жалкой и трогательной.

— Си Чжи, — Жун Цунцзинь, держа в руках нефритовую чашку, лёгким движением крышечки смахнул плавающие на поверхности чайники и, спустя мгновение, ровно произнёс: — Когда я переезжал в резиденцию Жуй, то взял из поместья Диньюань лишь четырёх служанок. Кроме Би Тао и Фу Тун, что служат мне много лет, была ещё Чэньсян, которую дала мне матушка.

— Кроме них, я взял только тебя, — спросил Жун Цунцзинь. — Знаешь почему?

— Служанка... не знает, — прошептала Си Чжи, распластавшись на полу. Сердце её колотилось от унижения, но она с трудом заставила себя ответить.

— На дружеском собрании у третьего молодого господина графа Чжунъюна, почему моя одежда вдруг разошлась по шву? — Жун Цунцзинь не стал ходить вокруг да около. — Теперь я понимаю, ты превосходная швея.

Си Чжи вздрогнула, словно от удара молнии.

— Не имея смелости, зачем было браться за такое дело? — бросил он на неё взгляд.

— Нежные чувства, словно вода, прекрасный миг, будто сон, как стерпеть обратный путь по мосту из сорок? — процитировал Жун Цунцзинь и, сделав паузу, добавил: — Ты и моего брата-то видела всего пару раз. О каком мосте из сорок может идти речь?

Эти стихи повествовали о влюблённых, что с горечью смотрели на мост, который свёл их вместе, зная, что им предстоит разлука.

— И... как, кстати, второе имя молодого господина Юй? — медленно, по слогам, произнёс он. — Илуань.

— Ты писала не моему брату, а моему бывшему жениху, Юй Линси, — холодно закончил Жун

Цунцзинь.

<http://bllate.org/book/13698/1584989>